

ЛЕОН ФЕСТИНГЕР ПРОТИВ ПЕТРА БЕРГЕРА И ТОМАСА ЛУКМАНА: ДВА ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Понятие социальной реальности в социальной психологии определено недостаточно полно. Обратившись к Энциклопедии по социальной психологии (Manstead, Hewstone 1996), находим, что оно даже не выделено в самостоятельную статью, что позволяет говорить о несущественности, факультативности этого понятия для социальной психологии. В справочнике по социальной психологии Линдея и Аронсона (Lindzey, Aronson 1985) понятие социальной реальности упоминается лишь один раз и определяется так, как его сейчас понимает большинство социальных психологов, а именно по Фестингеру (1950), который обосновал различие между физической и социальной реальностями. В других общественных науках используется несколько дефиниций социальной реальности, и одна из самых важных из них обосновывается в монографии "Социальная конструкция реальности" П.Бергера и Т.Лукмана (Berger, Luckmann 1966/1991). Это одна из самых значительных работ в области социологии знания и социального конструктивизма. В данной статье мы рассмотрим оба подхода к понятию социальной реальности, в основных чертах укажем на возможные трудности, с которыми сталкивается исследователь, пытаясь определить его значение, сравним между собой различные определения и, наконец, укажем их сильные и слабые стороны.

Леона Фестингера можно считать одним из самых успешных социальных психологов. После смерти в 1947 г. Курта Левина, чьим учеником он был, Фестингер вскоре стал ведущей фигурой в этой области и таковым оставался два десятилетия (Jones 1985). Так, его первая теория о процессах социального сравнения и более поздняя теория о когнитивном диссонансе стали, так сказать,

классическими. Его понимание социальной реальности было выработано раньше, чем указанные выше теории (Festinger 1950). Эта теория представляет собой основу более поздней концепции процессов социального сравнения. Возможно, в этом причина того, что социальная реальность в "главном течении" социальной психологии (северо-американская экспериментальная социальная психология) понимается так, как ее определил Фестингер.

Фестингер в начале своей работы над проблемой социальной реальности предполагал, что мнения, точки зрения и верования людей должны иметь некоторый фундамент, который им гарантирует действительность. Этих фундаментов много, но между ними можно, по его мнению, построить отвлеченный континуум, на котором располагается большинство из них. Этот континуум он называет "Шкала ступеней физической реальности". Состояние на одном конце этого континуума, там, где степень физической реальности самая высокая, можно продемонстрировать примером:

Человек, который наблюдает некоторую поверхность, может думать, что эта поверхность хрупкая или что она прочная настолько, что ее нельзя разбить. Проверить это легко: он может взять молоток, ударить по поверхности и убедиться, было его мнение правильным или нет. Когда он разобьет поверхность, на его мнение правильное или нет, будет влиять высказывание кого-либо другого, кто бы утверждал, что поверхность неразбиваема (Festinger 1950: 272).

Фестингер заключает, что в случаях, когда верность мнения индивидуума в большой степени связана с физической реальностью, зависимость его мнения от мнения других людей очень мала. В противном случае, когда мнение индивидуума нельзя проверить по отношению к физической реальности, зависимость его мнения от мнения других людей возрастает. Фестингер приводит пример:

Человек, который рассматривает результаты национальных выборов, чувствует, что многие дела могли бы пойти лучше, чем идут сейчас, если бы выиграл тот кандидат, который проиграл на данный момент (Festinger 1950: 272).

На чем основывается ощущение индивидуума в верности этого убеждения? Фестингер считает, что это в значительной степени зависит от того, что другие люди думают и чувствуют так же,

как и он сам. "Мнение, верование и положение 'истинно', 'действительно' и 'правильно', если оно укоренилось в группе людей с похожими убеждениями, мнениями и положениями" (там же). Но это не совсем верно. Для ощущения субъективной верности нашего убеждения важно мнение лишь той группы, к которой мы принадлежим, но не мнение всех людей. Человека, чье мнение не сходится с нашим, мы воспринимаем как отличающегося от нас и поэтому неподходящего для сравнения.

Это последнее кажется логичным и подтверждает наши интуитивные предположения, но в теории оно сопряжено с определенными трудностями, поскольку содержит в себе некий "замкнутый круг": как может человек выбрать ту группу, которая даст ощущение верности собственных убеждений, если не на основе сравнений между собственными убеждениями и убеждениями группы? Собственные убеждения (и ощущение их верности) должны существовать уже до вхождения индивидуума в эту группу, а это не соответствует тому, что мы получим подтверждение наших убеждений только на основании того, что и другие согласны с нами. Фестингер осознавал круговую природу этого процесса и упомянул об этом (Festinger 1950: 273), но проблемы он не разрешил.

Вторая трудность в понимании социальной реальности у Фестингера заключается в строгом разграничении физической и социальной реальности. Несмотря на то что он понимал их как две крайности континуума, ему казалось, что они очень отчетливо разграничены. Ученый считал, что люди способны к самостоятельному познанию физического мира и что примыкают к мнению других только в тех случаях, когда к этому миру не имеют непосредственного доступа. Например, когда размышляют о будущем или о возможных результатах некоего события.

Только год прошел после определения Фестингером (1950) социальной реальности, как профессор Аш опубликовал первые результаты своего известного эксперимента о влиянии группового давления на рассуждения индивидуума (см.: Avermaet 1996). Индивидуум, который участвовал в эксперименте, должен был в группе сотрудников экспериментатора (о чем он не догадывался)

сравнить длину черты с определенным эталоном. В случаях, когда сотрудники давали согласованно неправильные ответы, участвующие в эксперименте люди делали 37% ошибок, что в сравнении с контрольной группой, которая сделала 0,7%, очень много (см. там же). Значит, и во взаимодействии с физической реальностью люди не настолько уверены, как считал Фестингер!

Мы увидим третью трудность понимания Фестингером социальной реальности, если будем рассматривать его формулировку в более широком контексте. Фестингера на самом деле не интересовала социальная реальность как таковая, его интересовала спонтанная коммуникация в группе. Один из источников давления в неформальной групповой коммуникации представляет собой интенцию по унификации членов группы. Эта унификация важна по двум причинам: во-первых, из-за поддержки субъективного ощущения верности убеждения членов группы (социальная реальность) и, во вторых, из-за успешной групповой динамики. Группа, которая хочет достичь определенной цели, должна быть до некоторой степени едина. Отдельные личности в группе должны действовать в одном направлении и одними методами. Из этого следует, что в группе, которая старается достичь определенной цели, спонтанно рождается коммуникация, если появляется какое-то отклонение в поведении одного из членов группы, которое может привести к провалу общего проекта. Коммуникация будет направлена на исправление поведения индивидуума или на его изоляцию, если первое не удастся.

Учитывая сказанное, убеждаемся, что понимание социальной реальности Фестингером достаточно узко. Групповую динамику и групповые цели он отделял от социальной реальности и не задавал себе вопроса об их природе. Но как раз это создает проблему, ибо групповые цели каким-то образом должны быть верифицированы. К чему обычно стремится группа? Большинство групп в современном мире старается достичь целей, которые вне социальной сферы не имеют большого значения или не имеют его как такового. Они стараются достичь прибыли, спортивной славы, политического преобладания и тому подобное. То, к чему стоит

направить групповую энергию, в большинстве случаев определено социальным консенсусом. Групповая динамика и социальная реальность, таким образом, не просто разные вещи, которые можно считать разными источниками давления, направленного на унификацию группы. Между собой они тесно связаны таким образом, что представляют социальную реальность как основу групповой динамики. Ценность групповых целей также является частью социальной реальности, поэтому мы можем считать, что стремление к унификации из-за динамики достижения этих целей представляет собой не что иное, как динамику удержания социальной реальности в определенных рамках.

Четвертая проблема в понимании социальной реальности Фестингером состоит в том, что он абсолютно ничего не говорит о мотивах для поиска субъективного ощущения верности наших убеждений. И еще меньше о том, почему другие люди или мнение большинства — источник информации, на который мы можем положиться. Если идти дальше: почему вообще мы должны иметь убеждения о вещах, о которых не имеем достаточной или вообще никакой релевантной информации (подобно информации о физической реальности)!

Намного убедительнее взгляды на социальную реальность, предложенные социологами Петером Л. Бергером и Томасом Лукманом. Их труд "Социальное конструирование реальности" (Berger, Luckmann 1966/1991) исследует область социологии знания. Знание и реальность, как гласит заглавие, главные темы исследования. Оба понятия авторы уже в самом начале определяют довольно просто: они понимают **реальность** как качество, относящееся к тем явлениям, при которых мы признаем независимое от наших желаний существование; **знание** — как уверенность в том, что явления действительны и имеют определенные характеристики. Данные понятия считаются релевантными как для "человека с улицы", так и для философа. Первый живет в мире, который для него реален, и с определенной степенью уверенности знает, что у этого реального мира есть определенные характеристики. В повседневной жизни как реальность мира, так и познание его

характеристик не проблематично и они разумеются сами собой. Философ же все это "ставит на голову" и постоянно задается вопросом, что реально и как прийти к познанию этой реальности. А в чем же тогда заключается задача социолога?

Авторы считают, что место социолога находится где-то в середине континуума, при этом социолог определен одновременно и "человеком с улицы", и философом. С одной стороны, вопросы (онтологические и эпистемологические о реальности и знании), которые себе ставят философы, уходят далеко за границы социологического анализа. С другой стороны, социолог не может считать само собой разумеющейся вещью повседневную реальность, так как он осознает ее социальную относительность. В одном обществе или культуре определенные явления могут считаться не зависящими от человеческих желаний, а в другом обществе или культуре явления, которые не зависят от человеческих желаний, будут совсем иными. Задача социолога состоит в том, чтобы исследовать это различие и, кроме того, что тоже немаловажно, объяснить процессы, делающие **знание** общественно признанной **реальностью**. Другими словами, социолог знания занимается изучением конструкции социальной реальности или всем тем, что в обществе принято считать знанием.

Бергер и Лукман определяют свой подход к социологии знания через отношение к двум влиятельным социологам: Дюркгейму и Веберу. Первый призывал к тому, чтобы социальные явления изучались как вещи, второй акцентировал субъективное понимание значения действительности. Оба эти требования для Бергера и Лукмана не противоречивы. Обществу, в их понимании, действительно принадлежат объективные свойства, наряду с этим оно образовано деятельностью, у которой есть субъективные значения. Именно эта двойная характеристика общества их больше всего и интересует. "Каким образом субъективные значения *становятся* объективными фактами?" — вопрос, являющийся для них центральным (Berger, Luckmann 1991: 30).

Подход авторов к ответу на этот вопрос состоит в выделении важных качеств человеческой природы. Они констатируют, что

человек не имеет никакого специфического "мира", который был бы связан с его видом и вместе с тем структурирован с инстинктивной организацией. Отношение других организмов к окружающей среде биологически детерминировано, и поэтому они живут в замкнутых мирах, характеристики которых определены их биологическими способностями. В противоположность этому человеческий мир открыт и изменчив. Этим авторы отнюдь не утверждают, что биология человека не ограничивает его отношения с окружающей средой, но утверждают, что инстинктивные способности человека так плохо развиты, что допускают вариативность таких отношений. Как раз потому, что биологические свойства человека не дают достаточной стабильности, которая была бы необходима для его выживания, человек сам должен гарантировать стабильное окружение, в котором сможет существовать. Такое существование может протекать только коллективно. Люди вместе создают свое окружение социо-культурными и психологическими творениями. Как раз порядок этого окружения и делает возможной реализацию биологических способностей человека, поэтому порядок необходим, но способности ни в коем случае не определяются этим порядком.

Как мы вообще приходим к стабилизации человеческого общества? Какие процессы при этом протекают? Авторы видят основу этих процессов в явлении габитуализации. Каждая часто повторяющаяся активность превращается в образ. Ни одно из биологических свойств человека такого эффекта не дает. Из-за габитуализации человеку не нужно каждую ситуацию определять заново, с самого начала, он может проецировать опыт достаточно похожих новых ситуаций на уже существующие образы поведения и таким образом предвидеть их развитие. Отдельные ситуации можно отнести к более общим типам ситуаций. Это верно как для тех ситуаций, с которыми сталкивается каждый отдельный человек, так и для тех ситуаций, которые включают в себя большое число людей, поскольку в этих случаях невозможно предвидеть. Но эти ситуации, с точки зрения социологии, более интересны. Любая классификация активности с постоянными образами,

которые к тому же определяют и типы активных индивидуумов, — социальный институт, так считают Бергман и Лукман.

Все социальные институты реализованы в коллективах достаточно большого числа людей. Авторам кажется теоретически важным тот факт, что социальный институт появляется даже тогда, когда коллектив состоит только из двух человек, начинающих создавать свои отношения. Мы можем представить двух человек, исходящих из совершенно разных миров (но которые уже стали личностями, т.е. у них развита своя самость и они уже сформировались определенным общественным процессом), и они заново создают свои отношения. Они быстро развивают взаимную активность, используя повторяющиеся образы. Поведение одного по отношению к другому, таким образом, становится более предсказуемым, и этим оба экономят много времени и сил. Постепенно они создают общий фон, на котором регулируется их взаимодействие, что и дает стабильность их отдельной самостоятельной активности. Это позволяет обоим обращать внимание на те проблемы, которые требуют когнитивного участия.

Фон их взаимодействия обычно находится вне области их непосредственного сознания, но, тем не менее, всегда доступен, если возникает потребность. Мир, который они вместе строят, для них все еще транспарентен в том смысле, что оба хотя бы имплицитно все еще сознают, что мир мог быть и другим. Но представим себе, что в этот их мир войдет третий человек, скажем, ребенок. Для него реальность социального мира, который создан его родителями, имеет совершенно другой характер. Для ребенка этот мир существует как объективная действительность, к которой он вынужден приспособливаться. Ему родители специально не объясняли образцов своего поведения, имеющих природу консенсуса: это в первые годы детской жизни вообще невозможно, а позже не очень эффективно. Что касается ребенка, то для него многие вещи происходят так потому, что люди так договорились, или потому, что "это так делается". Посредством повторения образа осуществляется процесс переноса созданного мира на другие миры. Бергер и Лукман (Berger, Luckmann 1991: 77) считают, что только

на этой стадии можно начать говорить о социальном мире. Только в процессе переноса на другие миры этот мир получает характер запрограммированной действительности, с требованием которой должен столкнуться каждый индивидуум так же, как он сталкивается с требованиями физического мира.

С точки зрения каждой отдельной личности социальные институты "там вне" существуют независимо от желания человека. Они сопротивляются индивидууму или его попыткам их изменения или преодоления их влияния. Объективность существования социальных институтов не уменьшится, если индивидуум не понимает способа их существования или их целей. И поскольку социальные институты существуют вне индивидуума, индивидуум не может их понять при помощи интроспекции, а должен на их закономерностях учиться, как учится на закономерностях природы. С философской точки зрения очень важно, что социальные институты, несмотря на объективность своего существования, по отношению к единичному индивидууму не имеют онтологического статуса, который независим от человеческой активности, их создающей и сохраняющей. Это диалектическое соотношение представляет суть взгляда на социальную реальность Бергера и Лукмана. **Экстернализация** (создание социального мира) и **объективизация** (придание ему предметности) — это два момента в континуированном диалектическом процессе, в котором третий момент — интернализация (освоение социального мира каждым индивидуумом). Авторы это выражают так: "*Общество — это человеческий продукт. Общество — это объективная реальность. Человек — общественный продукт*" (Berger, Luckmann 1991: 79, курсив в оригинале).

После представления экстернализации и объективизации социальной реальности обратим внимание на процесс интернализации этой реальности в сознании каждого индивидуума. Индивидуум рождается уже членом общества. Он рождается со склонностью к общественности, но настоящим членом общества должен еще только стать. Онтогенетический процесс, в котором это происходит, называется *социализация*. Каждый индивидуум рожда-

ется в объективной социальной структуре, внутри которой он вначале сталкивается со значительными *другими* (более важными), на которых лежит ответственность за его социализацию. Ребенок идентифицирует себя со значительными *другими* разными способами, вначале главным образом посредством эмоций. Через эту идентификацию он становится способным идентифицировать самого себя и получает субъективно когерентную и убедительную идентификацию. Другими словами, формируется самость как сумма возможных взаимных отношений значительных *других* к самому себе. Все это происходит на фоне объективного социального мира, который создают значительные *другие*. Формирование самости не означает только применение поведения *других* к себе, но так же имплицитно принятие социальной реальности, которая влияет на поведение *других*. Субъективное присваивание идентитеты и субъективное присваивание социального мира — два разных аспекта одного и того же процесса интернализации, которая происходит посредством одних и тех же значительных *других*.

С развитием отношения *других* к ребенку они станут отвлеченными и обобщенными. Идентитета ребенка, таким образом, больше не зависит от других людей, с которыми он находится в непосредственной интеракции, но зависит от *других* вообще. Таким образом, идентификация станет стабильнее — это самая существенная фаза социализации. Когда "обобщенный *другой*" в сознании кристаллизуется, создается симметрическое отношение между объективной и субъективной реальностью. То, что реально "вне", реально и "внутри": объективная реальность может переходить в субъективную, и наоборот. Главный носитель этой трансформации, конечно, язык — первое и самое важное из того, что должен ребенок интернализировать в процессе социализации.

Авторы заостряют внимание на том, что симметрия между объективной и субъективной реальностью не реализуется полностью. Обе реальности отвечают одна другой, но они не тождественны. С одной стороны, "вне" всегда ближе объективной реальности, чем может быть интернализированная реальность в каждом индивидуальном сознании. С другой стороны, всегда существует

элемент субъективного переживания, связанного с объективной реальностью, скажем, ощущение собственного тела. Все это означает, что симметрия между объективной и субъективной реальностью не статична, не раз и навсегда заданное состояние. Она все время должна обновляться через активность субъекта в социальном мире. Если сравнить оба понятия социальной реальности, мы сможем констатировать, что понимание социальной реальности Бергером и Лукманом хотя бы отчасти устраняет недостатки, которые приведены в анализе точки зрения на эти явления Фестингера. Круг в доказательстве, в котором мы можем упрекнуть Фестингера, понимающего социальную реальность как основу субъективной действительности индивидуумов, представляет у Бергера и Лукмана только ядро объяснения объективного характера социальной реальности как чего-то, что мы, люди, через свои социальные практики вместе создаем и сохраняем. Референтная группа не представляет собой только стандарт, при помощи которого индивидуум сравнивает свои убеждения, она действительный носитель этих убеждений. Эти убеждения в группе создаются, вернее, сохраняются и переформируются, через взаимные интеракции между членами группы. Субъективное и объективное диалектически дополняются, и таким образом создается предсказуемая социальная жизнь.

В этом и скрывается ответ на вопрос о мотивации поиска субъективного ощущения верности наших убеждений у других людей. Но если мы понимаем значение этого ощущения как потребность в стабильности совместно созданного социального мира, очевидно, что люди могут быть единственно возможным источником доказательства верности наших убеждений. Сейчас мы можем понять и кажущуюся парадоксальность эксперимента Аша. Каким образом такой большой процент людей, участвующих в эксперименте, давали неправильные ответы на вопрос о "физической реальности", которую каждый мог, как считал Фестингер, определить индивидуально? Мы имеем дело с так называемым нормативным влиянием: индивидуум публично подвергается групповому давлению из-за страха быть отвергнутым группой без

какого-либо внутреннего конфликта (см. Turner 1996)? А может быть, мы имеем дело с чем-то более глубоким? Если мы сознаем, что описание длины линии неизбежно протекало через язык и что язык, следуя Бергеру и Лукману, — главный переводчик между субъективной и объективной реальностью, первое и самое важное, что необходимо каждому человеку, — интернализировать в процессе социализации. Потом окажется, что несоответствие в употреблении языка имеет важные последствия для ощущения стабильности социального мира индивидуумом, который участвовал в эксперименте. Поскольку эта стабильность для каждого индивидуума чрезвычайно важна, часто сложнее пожертвовать ею, чем своим собственным непосредственным наблюдением.

На основании сказанного заключаем, что понимание социальной реальности как атрибута социальной группы или общества вообще имеет большую объяснительную силу, чем понимание этого явления как атрибута индивидуума. Социальная психология должна свое относительное знание о том, как действует индивидуум в социальном окружении, в большей мере связывать с познанием динамики социальных групп и общества вообще, поскольку как раз эта динамика создает и сохраняет социальную реальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Avermaet E. Van, 1996, *Social influence in small groups*, Introduction to Social Psychology. Ed. M.Hewstone, W.Stroebe and G.M.Stephenson. Oxford.
- Berger P.L., Luckmann T., 1991, *The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge*. London.
- Festinger L., 1950, *Informal social communication*, Psychological Review. №57.
- Jones E.E., 1985, *Modern developments in social psychology during the past five decades*, The Handbook of Social Psychology. Ed. G.Lindzey and E.Aronson. NY.
- Lindzey G., Aronson E., 1985, *The Handbook of Social Psychology*. NY.
- Manstead A.S.R., Hewstone M., 1996, *The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology*. Oxford.
- Turner J.C., 1996, *Social influence*, The Blackwell Encyclopedia of Social Psychology. Ed. A.S.R.Manstead and M.Hewstone. Oxford.